

Ленинградская правда, 1975, 8 апреля

«МИР НИКОЛАЯ СИМОНОВА»

НИКОЛАЙ СИМОНОВ — артист, которого еще при жизни по праву называли великим. Как рассказать о нем, оставившем нам свою огромную славу, но почти не оставившем свидетельств о своей собственной жизни?

С этого вопроса, в данном случае вовсе не риторического, и начинается фильм «Мир Николая Симонova», созданный на студии «Ленфильм» режиссером В. Шределем по сценарию Л. Мархасева. Перед нами съемочная группа картины. Деловая, рабочая обстановка, ненаигранная озабоченность. Просматриваются скупые материалы кинохроники. Прослушивается запись, сделанная на радио: Симонов читает «Я помню чудное мгновенье...». Перелистывается единственный семейный альбом. А потом возникают люди, знавшие Симонova, работавшие вместе с ним, жившие рядом. Очень разные люди. Коллеги по театру, режиссеры, партнеры по фильмам. Родные Симонova. Его театральная одевальщица. Няня,

вырастившая его детей. Земляки (он родился в Самаре), близкие, друзья. Они вспоминают о Симонове. Каждый — о своем, наиболее памятном, о том, что оказалось видимым ему, о тех эпизодах, деталях, что запали в душу.

Так, воспроизводя перед зрителем ход создания фильма, его авторы рассказывают о том, каким был человек, сыгравший Петра I, Протасова, Сальери, Матфея, Клаузена, — роли-шедевры, роли-откровения.

Всегда величественный на сцене, безраздельно властвовавший над зрителем, потрясавший взрывами своего темперамента, Симонов был в жизни человеком «негромким». Любил уединение. Чуждался всяческой суеты. Не терпел рекламы, похвал, публичных рассказов о себе самом, редко фотографировался (потому-то так мало документальных материалов о

нем). Едва ли не дороже сцены были ему занятия живописью — холсту он поверял сокровенное, охраняемое от посторонних глаз. Он не был общителен в обыденном, житейском понимании этого слова. Но в отношении к людям, которые оказывались рядом, обнаруживал поистине поразительную чуткость и доброту.

Вот эта человеческая особенность Симонova, так явно проступающая в отобранных здесь воспоминаниях, определила весь строй картины, ее внешнюю скромность, естественность и проникновенность ее тона и ту, так необходимую здесь деликатность, с которой авторы фильма прикасаются к человеческому миру Николая Симонova.

Интерес к личности художника, закономерный сам по себе, в данном случае, когда речь идет об актере, имеет особый смысл. Ведь

для актера он сам — и материал, и инструмент, и средство выражения. Он творит собою. Поэтому-то такими дорогими и значительными оказываются для нас подчас безыскусные слова о Симонове, здесь звучащие. За ними встает человек, несущий в себе действительно целый мир, мир, неотъемлемой частью которого были потрепанный томик Пушкина и неяркая, полная тайной прелести русская природа. И именно из этого мира, наполненного интенсивнейшей духовной жизнью, выходили на сцену симоновские герои...

«Жизнь не шутка, а великое торжественное дело», — эти высокие слова Льва Толстого, произнесенные Симоновым, обретают свою реальность в той конкретной человеческой жизни, которая встает за кадрами фильма.

С. ДРУЖИНИНА